

УДК 351.746.1-051(477.46-21Умань)(09)(045)

Линн ВИОЛА*

Дело Уманского районного отдела НКВД

Исследуются преступления сотрудников районного отдела НКВД г. Умани в период «Большого террора», а также осуждение некоторых из них на закрытых судебных процессах. Указывается, что действия чекистов были порождением большевистской практики насилия. Их деятельность в 1937–1938 гг. стала для них рутинной работой.

Ключевые слова: Умань, НКВД, «Большой террор», сотрудники государственной безопасности.

«Если бы я активно выступал против тех методов следствия, которые были в то время, и ещё в дополнение, если бы получился у меня какой-нибудь казус, то меня уже давно не было бы в живых [...]».

«Был, действительно, случай, когда ко мне прибежал Абрамович, он был испачкан в крови, и сказал: “Сукин сын – меня испачкал”. Я ему предложил руки вымыть спиртом или одеколоном, указав ему на его некультурность тем, что он вытирался платком [...]».

С. И. Борисов, бывший начальник Уманского райотдела НКВД УССР.

«В то время всякое корректное отношение к арестованным считали либеральным [...]».

А. С. Томин, бывший начальник отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области, руководил осуществлением «польской операции» в Умани.

«Да, так выходило, что я был следователем с кулаком, а другие были следователи с пером, но как система арестованных всех не избивали [...]».

Г. Н. Петров, бывший помощник следователя Уманского райотдела НКВД УССР, начальник Маньковского райотдела милиции.

* Виола Линн – профессор университета г. Торонто (Канада).

«Среди этих трупов были случаи убийств, и я писал, что смерть наступила от паралича сердца. Истинную причину смерти писать нельзя было... Я вполне сознаю, что это является сделкой с моей совестью [...]».

А. М. Лебедев, врач и судмедэксперт.

«Почему я знаю, что делалось в 21 комнате [...] мне кажется, что не только я об этом знал, но, по-моему, и половина населения г. Умани тоже знали об этом [...]»

И. А. Мышко, бывший следователь Уманской межрайонной следственной группы НКВД УССР ¹.

Кошмар творился в Умани. Местный районный отдел НКВД создал специальную «лабораторию» в комнате № 21 для допросов и выбивания признаний. Заключённые умирали от удушья в переполненных камерах. О главном палаче – старшем по приведению в исполнение расстрельных приговоров – говорили, что он стволом револьвера выбивал золотые зубы у расстрелянных. Начальник местной тюрьмы был арестован и осуждён на закрытом судебном заседании, в числе прочего, за разграбление имущества расстрелянных граждан. Следствие оказалось незавершённым. За ним последует ещё два судебных разбирательства, фигурантами которых станут не только начальник тюрьмы, но и руководство местного отдела НКВД. Обвинения в обоих случаях касались «нарушения революционной законности» и должностных преступлений, совершенных в застенках расстрельных камер.

Уголовное дело Уманского райотдела НКВД составляет почти две тысячи страниц, объединённых в семь томов пожелтевших от времени документов. Недостатка в свидетельствах нет. В изобилии ордера на арест и обыск, списки конфискованного имущества, протоколы допросов и очных ставок, а также стенограммы трёх судебных процессов. В этих материалах в избытке – ложь, выдуманые показания, самооправдания и моль-

¹ В качестве эпиграфа использованы материалы из протокола судебного заседания от 5–10 мая 1940 г. и протокола судебного заседания от 31 января – 6 февраля 1941 г. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 143, 147, 319, 321 зв., 328–329 зв., 315–315 зв.

бы о пощаде. Однако, прочтённые критически, с пониманием их предвзятости и субъективности, эти документы раскрывают кошмарные реалии массового террора в Умани.

В «уманском деле» было три судебных процесса и шесть обвиняемых. Разумеется, что ни один из подсудимых не отличался «либерализмом» во время проведения террора, но все они, как один, переложили вину за «искривления» на вышестоящие власти, главным образом, Киевское областное УНКВД. Наверно, это имело основания, однако, именно областное УНКВД инициировало процесс, который выявил всю мерзость коррумпированности работников Уманского районного отдела НКВД, их пьянство и насилие.

Часть 1

Умань была сонным провинциальным городком в центральной Украине, со смешанным населением, состоявшим из украинцев, русских и евреев. Городок, находящийся приблизительно в 180 км к югу от Киева, в то время являлся частью Киевской области². Местный райотдел НКВД располагался в двухэтажном здании из 20 комнат, часть окон которых выходила во внутренний двор. В том же здании, на 1-м этаже, находилась и милиция, активно участвовавшая в проведении репрессий. Расстрельные камеры были в подвале под клубной комнатой. Тюрьма, расположенная по соседству, поставляла заключённых на допросы и расстрел. Её здание, рассчитанное на 400, максимум 450 заключённых, в разгар «Большого террора» вмещало порядка двух с половиной тысяч человек. А по некоторым свидетельствам и того больше: камеры забивали до отказа³.

Здание райотдела НКВД служило штабом массовых репрессий в Умани. То, что творилось в его стенах, неоднократно было описано обвиняемыми, свидетелями и жертвами. Полезно, однако, начать рассказ с «заключений», составленных всеобщим НКВД по итогам проведённых им расследований. «Зак-

² В настоящее время г. Умань входит в состав Черкасской области.

³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 148, 312, 337 зв., 340 зв. Начальник тюремной санчасти Гольденштейн утверждал, что число заключённых в Умани составляло 4 тыс. человек. См.: Там само, арк. 331.

лючения» были основаны на многомесячных допросах обвиняемых и широкого круга свидетелей. Они представляют собой сжатое сухое изложение событий, которое может послужить предисловием к рассказу о массовых злодеяниях в Умани⁴.

«Заключения» НКВД СССР свидетельствуют, что в июле 1937 г., по распоряжению управления НКВД по Киевской области, в Умани, как и в других крупных городах – районных центрах, была создана межрайонная оперативно-следственная группа. Она действовала на территории, по разным сведениям, от 12 до 18 районов. Через месяц руководство областного УНКВД назначило её начальником Соломона Исаевича Борисова-Лендермана. С осени 1936 г. он был начальником Уманского райотдела НКВД и, по совместительству, начальником Особого отдела ГУГБ НКВД 99-й стрелковой дивизии. Практически одновременно руководителем следственной работы по линии 3-го (контрразведывательного) отдела назначили Александра Сократовича Томина. Этот человек впоследствии заменит Борисова, который уедет в Комсомольск-на-Амуре, став начальником одного из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР. В 1938 г. и Томин покинет Умань, получив назначение начальником 3-го (контрразведывательного) отделения УГБ НКВД АМССР. Позднее он стал врид заместителя наркома внутренних дел Молдавии. Борисов и Томин были среди основных обвиняемых на втором и третьем судебном процессе по делу руководителей Уманского райотдела НКВД⁵.

Следствие, проведенное сотрудниками НКВД СССР, выявило нарушения «революционной законности» в Умани: необоснованные аресты, массовую фальсификацию следственных дел,

⁴ Эта часть статьи основана на компиляции двух документов: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 1–8 (Заключение...) и арк. 277–302 (Обвинительное заключение...).

⁵ Там само, арк. 1–2, 277–278. В протоколе заседания от 31 января – 6 февраля 1941 г. Борисов говорил, что группе подчинялось 18 районов. Изначально был ещё один подследственный, некто Василий Корнеевич Козаченко (в других документах Казаченко), который являлся начальником Уманского райотдела НКВД после Томина. Однако его имя после первого упоминания, которое предшествовало второму судебному процессу, исчезло из документов. См.: Там само, т. 6, арк. 339 зв. – 340 зв.

в ходе которой для получения признательных показаний использовались избиения и пытки.

Согласно «заключениям» НКВД СССР:

«Для того, чтобы от арестованных быстрее получить показания, в помещении РО НКВД в комнате 21, под руководством Борисова и Томина была организована так называемая “лаборатория”, работой которой ведал бывш[ий] нач[альник] Маньковского РО милиции Петров Г.Н. На эту так называемую “лабораторию” Борисовым и Томиным было возложено добиваться от арестованных признания об их якобы контрреволюционной деятельности, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Несознавших арестованных почти не было. По указанию Борисова и Томина все арестованные подвергались первоначальному допросу в комнате 21. На допрос вызывали в комнату одновременно по 20–30 чел. Перед допросом Петров получал от Борисова и Томина списки арестованных, подлежащих допросу, в которых указывалось, какие показания должен дать тот или иной арестованный: кто его завербовал, в какую контрреволюционную организацию и кого он в свою очередь завербовал. Огласив предъявляемые к (sic) арестованному обвинения, Петров ставил вопрос: “Кто будет писать показания, подними руку”. Некоторые арестованные, боясь подвергнуться пыткам и издевательствам, писали собственноручные показания. К арестованным, не желавшим дать требуемых от них показаний, Петров с неоднократным участием Томина применяли физические меры: избивали, заставляли простаивать непрерывно по 10–15 суток, устраивали так называемые “концерты”, принуждали арестованных друг друга избивать, петь и танцевать, применяли метод так называемого “термометра” – вкладывали арестованному палку подмышку и заставляли держать, а затем избивали. Как следствие всех этих извращений, явился результат массовых ложных вымышленных показаний [...]»⁶.

Главным «помощником-лаборантом» в комнате № 21 был сотрудник органов госбезопасности Григорий Николаевич Петров, которого с указанными выше лицами обвиняли на втором и третьем судебных процессах.

Далее в «заклучениях» НКВД СССР обращалось к ещё одному из двух основных обвинений: нарушения революционной

⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 1–4.

законности, которые происходили в застенках расстрельных камер. В частности, указывалось, что Самуил Моисеевич Абрамович, начальник тюрьмы в Умани и третий из главных обвиняемых, руководил расстрельной командой:

«Кроме грубого извращения в следственной работе, с санкции Борисова и Томина в бригаде по приведению приговоров в исполнение над осуждёнными, старшим которой являлся бывш[ий] нач[альник] Уманской тюрьмы Абрамович (арестован), имело место мародёрство, хищение ценностей осуждённых. Денежные суммы, подлежащих (sic) расстрелу, перед приведением приговоров в исполнение изымались и присваивались Абрамовичем. Таким образом, было присвоено денег 42 485 руб. Из этих денег, с ведома Борисова и Томина, Абрамович неоднократно выдавал участникам бригады по 30–40 руб. Также неоднократно из этих денег Томин получал от Абрамовича крупные суммы для личного пользования. Ценное имущество осуждённых – пальто, костюмы, сапоги и др. присваивались Абрамовичем, Щербиной и другими сотрудниками. Особенно в этом отличился Щербина. Абрамович в присутствии Томина стволом револьвера из рта расстрелянных выбивал золотые челюсти, золотые зубы и различные протезы»⁷.

По сравнению с названными выше, другие обвинения казались «пустяковыми». Леонид Семёнович Щербина (бывший оперуполномоченный Особого отдела ГУГБ НКВД 99-й стрелковой дивизии), который упоминался в связи с мародёрством в расстрельных камерах, был к тому же обвинён в интимной связи с женой заключённого, а Томин – в нарушении процедуры обыска в тюрьме в Тирасполе. Абрамович в дополнение ко всему обвинялся в нарушении секретности расстрелов, а руководство Уманского райотдела НКВД – в смерти четырёх заключённых от удушья по причине перенаселённости камер⁸.

Шестым обвиняемым по «уманскому делу» проходил водитель местного НКВД Николай Павлович Зудин, который «работал» преимущественно, на расстрелах. Он также обвинялся в хищении имущества расстрелянных и, согласно официально-

⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 4–5.

⁸ Об обвинении Абрамовича в нарушении секретности см.: Там само, арк. 300. О других обвинениях см.: Там само, т. 6, арк. 172–176.

му отчёту, присвоил «не более 200 руб.», 5 пар сапог, кожаный пиджак и 3 пары нижнего белья⁹.

Так вкратце было представлено дело Уманского райотдела НКВД. В действительности, однако, оно было далеко не столь кратким и сухим, как это следовало из официальных «заключений». Прежде всего, потребовалось целых три судебных процесса, чтобы вынести окончательные обвинения. Первый процесс состоялся в июле 1939 года¹⁰. Его единственным обвиняемым был Абрамович, начальник тюрьмы и старший по приведению приговоров в исполнение. Хотя вина Абрамовича, судя по стенограмме судебного заседания, была очевидной, Военный трибунал войск НКВД Киевского особого военного округа отказался вынести приговор, отправив дело в военную прокуратуру для объединения его с делами Томина, Зудина и «других»¹¹. Второй процесс против Борисова, Томина, Абрамовича, Петрова, Зудина и Щербины закончился вынесением обвинительных заключений всем, кроме Зудина. Он был освобождён. Абрамович получил 3 года исправительно-трудовых лагерей, Томин – 3 года лишения свободы в «общих местах заключения», Борисов и Петров – 2 года лишения свободы условно, а Щербину суд приговорил к году принудительного труда по месту работы с отчислением 15% его заработка¹². Военная коллегия Верховного суда СССР, однако, вмешалась, послав дело на пересмотр. В результате последнего, третьего по счёту, судебного процесса все обвиняемые получили более суровое наказание. Борисов был приговорён к наиболее длительному заключению – 8 лет, Абрамович – к 6, Томин и Петров – к 5, а Щербина и Зудин – к 3 годам исправительно-трудовых лагерей¹³.

В ходе судебного процесса обвиняемые документировано доказали роль не только руководителей областного, но и республиканского, и всесоюзного НКВД в создании целостной сис-

⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 292.

¹⁰ Там само, т. 1, арк. 180–216.

¹¹ Там само, арк. 219, 231, 233.

¹² Там само, т. 6, арк. 96–16, 172–176, 225.

¹³ Там само, арк. 476.

темы, которая способствовала «нарушениям революционной законности» в Умани. Вначале Томин, особенно на первых допросах, уклонялся от показаний, но Борисов был откровенным как на допросах, так и в показаниях на суде. Кроме того, свидетели и подсудимые, в том числе и Томин, поддержали Борисова, припомнив визиты руководителей областного, республиканского и всесоюзного НКВД в Умань, а также ряд приказов и «поворотных моментов» в развитии массовых репрессивных операций. Конечно, Борисов преследовал собственные интересы, переложив вину за «нарушения» на областное начальство. Но, делая это, он, похоже, представил правдивую картину массовых операций в Умани, где роль «дирижёра» выполняло областное НКВД. Эти факты суд проигнорировал.

Часть II

Борисов имел длительный стаж оперативной работы. Родился в 1899 г. в Киеве в семье портного-еврея. Прочувшись всего несколько лет в школе, работал портным по найму до революции 1917 г. Вступив в 1919 г. в Красную армию, участвовал в боях, затем получил назначение в ЧК. В 1928 г. вступил в Компартию. С осени 1936 г. занимал пост начальника районного отдела НКВД в Умани, где он проживал с женой и сыном-подростком. Как уже указывалось, уехал из Умани в феврале 1938 г. в связи с назначением на Дальний Восток начальником Ново-Тамбовского исправительно-трудового лагеря в Комсомольске-на-Амуре. В этом городе его и арестовали в октябре 1939 г.¹⁴

По словам Борисова, всё началось в июле 1937 г., когда НКВД СССР издал приказ о начале массовых операций. Тогда же начальник 4-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области Исай Яковлевич Бабич (1902–1948) прибыл в Умань с заданием создать межрайонную оперативно-следственную группу для борьбы с «контрреволюцией»¹⁵. До своего приезда в Умань Ба-

¹⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 1–8; т. 6, арк. 96, 141–144, 308–308 зв.

¹⁵ Биографию И. Бабича см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Ред. Н. Г. Охотин и А. Б. Рогинский. – М.: Звенья, 1999. – С. 95–96.

бич, сын еврея-сапожника, получивший лишь начальное образование, был одним из опытных сотрудников УНКВД по Киевской области. Прибыв в Умань, он созвал оперативное совещание для обсуждения предстоящих задач. По словам Бабича, политика бывшего главы НКВД СССР Генриха Ягоды в отношении врагов народа – так называемая «ягодовщина» – «зажимала инициативу чекистского аппарата» и «либерально относилась к арестованным». Времена, однако, изменились. Бабич поведал оперативникам, что в «предвоенный период», в котором находился Советский Союз, необходимо всячески искоренять либерализм. Если потребуются, продолжал он, следователи НКВД должны кричать, оскорблять и делать всё возможное для уничтожения контрреволюции¹⁶. Парторг Уманского райотдела НКВД Антон Андронович Данилов скажет позже, что

«с приездом Бабича тон следователей к арестованным стал хуже, чем было до него»¹⁷.

Бабич запустил маховик массовых репрессивных операций в Умани. Он организовал и в течение двух месяцев направлял деятельность межрайонной оперативно-следственной группы. В состав группы входили в общей сложности 70 человек, включая начальников районных отделов милиции, а также около сорока курсантов Киевской межкраевой школы Управления государственной безопасности (УГБ). В конце лета 1937 г. Бабича отозвали в Киев. С ним уехал и Борисов. На встрече начальник Киевского областного УНКВД Николай Давыдович Шаров (1897–1939) приказал Борисову возглавить межрайонную группу в Умани¹⁸. По словам Борисова, заместитель начальника УНКВД по Киевской области Лев Иосифович Рейхман (1901–1940) распорядился усилить нажим и, если необходимо, выбивать признания из арестованных по согласованию с вышестоящими органами¹⁹. Борисов вспоминал:

¹⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 141–144.

¹⁷ Там само, арк. 313–313 зв.

¹⁸ Биографию Шарова см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 444–445.

¹⁹ Биографию Рейхмана см.: Там само. – С. 358–359.

«Когда я это услышал, я остолбенел и, приехав в Умань, никому ни слова об этом не сказал»²⁰.

Перед тем как Борисов уехал из Киева обратно в Умань, Шаров приказал ему:

«Я оставляю у вас Томина, и будете с ним разрешать все необходимые вопросы»²¹.

Томин, в то время лейтенант государственной безопасности, родился в 1901 г. в Киеве, в украинской семье. Как и Борисов, Томин воевал в Красной армии, затем служил до 1924 г. После войны закончил Коммунистический университет им. Артёма в Харькове²², получив, по его словам, «высшее политическое образование». На работу в НКВД он пришёл в 1931 г. Хотя у него была семья, жена и четверо детей, Томин жил отдельно от них. Как и многие другие сотрудники Уманского райотдела НКВД, по причине частых служебных переводов и местных трудностей с жильём, он проживал в гостинице. Томин находился в Умани примерно с мая 1937 г. и был тесно связан с Бабичем. Хотя впоследствии Томин будет отрицать это, Борисов был уверен, что именно Томин являлся представителем областного УНКВД в Умани. Томин руководил следственной работой 3-го (контрразведывательного) отдела, где одной из главных оперативных линий была ликвидация «польской контрреволюции». По словам Борисова, этот отдел «фактически был филиалом» УНКВД Киевской области²³. С точки зрения Борисова, именно Томин являлся настоящим руководителем операций в Умани. По словам Борисова:

«Томин себя вёл так, как ему самому захочется. На работу приходил, когда захочет, и уходил, когда он считал для себя удоб-

²⁰ ГДА СБУ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 96, 141–144, 308–308 зв., 320–320 зв.

²¹ Там само, арк. 141–144.

²² Коммунистический университет им. Артёма – создан в Харькове 1 апреля 1922 г., назван в честь советского партийного деятеля Ф. А. Сергеева (Артём). Университет готовил кадры для партийных, профсоюзных и советских органов. 7 октября 1932 г. университет был реорганизован в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу.

²³ ГДА СБУ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 6–11; т. 6, арк. 97, 141–144, 146, 308–308 зв.

ным. Кроме того, он вмешивался буквально во все дела группы, часто бывал в Киеве».

Во время допросов Борисов сказал следователю, что Томин «подгонял» его, что задание Томина в Умани состояло в том, чтобы форсировать следственную работу²⁴.

Борисов также припомнил и другие случаи вмешательства «свыше». В один из декабрьских дней в Умань прибыло 5 или 6 машин. Он не мог поверить своим глазам, когда из машин вышли высокопоставленные чины НКВД из Москвы и Киева: И. М. Леплевский (1896–1938) и М. П. Фриновский (1898–1940)²⁵. По словам Борисова, «в эти два дня, что они здесь были, тут была целая свистопляска». Понаблюдав за работой Уманского райотдела НКВД, прибывшие высокие чины заключили, «что так работать нельзя». Затем «взяли в работу» одного арестованного, «шпиона», и избили его.

«Они его ругали такой руганью, что я подобной ругани в жизни нигде не слышал», –

рассказывал Борисов. Ночью, сидя в кабинете Борисова, Фриновский и Леплевский говорили о том, что «нужно нажать» и что, «если в комнате у следователя – шум, то значит он – хороший работник»²⁶.

Рейхман тоже побывал в Умани²⁷. Борисов утверждал, что Рейхман приезжал, потому что он, Борисов, не смог добыть показаний у некого Доброховского, который, предположительно, был ключевой фигурой в одном из следственных дел. В Умани

²⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 6–11, 27–31; т. 5, арк. 170; т. 6, арк. 146.

²⁵ Леплевский в то время был наркомом внутренних дел УССР, а Фриновский – первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Биографии Леплевского и Фриновского см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 270–271, 425–426. Приказ НКВД от 7 июня 1937 г. о командировании Фриновского, Леплевского, Дерибаса в НКВД УССР см.: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник / Под ред. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. – М.: Материк, 2003. – С. 586.

²⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 339 зв.– 340 зв.

²⁷ С 6 августа 1937 г. Рейхман руководил УНКВД по Харьковской области. Поэтому его приезды в Умань относятся к июлю – первым числам августа 1937 г.

Рейхман созвал совещание сотрудников местного НКВД, где буквально набросился на Борисова и парторга Данилова, угрожая им арестом, если они не будут применять методы давления на заключённых²⁸.

Борисов назвал приезжавших «сверху» сотрудников НКВД «гастролёрами». Он утверждал, что если в Умани и были случаи физического воздействия на арестованных, то это был результат пагубного влияния этих самых «гастролёров»²⁹. Этот чекист заявил, что всегда запрещал своим сотрудникам использовать физическую силу в работе с заключёнными. Другие свидетели на судебном процессе по делу Уманского райотдела НКВД это подтвердили. Даже Томин и Петров позже отрицали, что Борисов когда-либо приказывал избивать заключённых³⁰.

Но проведение массовых репрессивных операций делало неизбежным применение физического насилия. В момент пика террора в Умани в «разработке» сотрудников госбезопасности находилось не менее 2500 заключённых, по каждому из которых требовалось составить определённое количество документов, включая подписанные признательные показания. По одной лишь «польской операции» Шаров требовал провести тысячу арестов. Борисов должен был ежедневно докладывать по телефону в Киев об «уманских достижениях»³¹.

«Телеграммы, звонки из Киева не давали возможности нормально работать», –

вспоминал Борисов³². В какой-то момент сотрудникам Уманского райотдела НКВД даже пришлось украсть заключённых из другого района, чтобы выполнить свою разнарядку на аресты³³.

Комната № 21, известная среди местных чекистов как «лаборатория», появилась именно для того, чтобы справиться со шквалом арестов. Это был «полигон» массового добывания

²⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 311, 340.

²⁹ Там само, арк. 339–340 зв.

³⁰ Там само, арк. 113–114, 116, 118, 145–151, 334 зв., 348; т. 4, арк. 51–57.

³¹ Там само, т. 6, арк. 340.

³² Там само, т. 4, арк. 27–31.

³³ Там само, т. 3, арк. 142–145.

признательных показаний, просуществовавший примерно с ноября до 5–6 декабря 1937 г. Хотя Борисов утверждал, что он специально не создавал комнату № 21. Томин доказывал, что комната № 21 возникла «стихийно». Однако факты указывают, что, очевидно, Томин организовал и возглавил «лабораторию», возможно, под прямым влиянием Шарова. Борисов назначил несколько руководящих сотрудников милиции в отдел Томина в качестве помощников следователей. Милиционеры, будучи малограмотными, не годились для других заданий. Они были не в состоянии справиться с бумажной работой, выполняемой следователями. Поэтому Томин использовал некоторых из них в качестве «ассистентов-лаборантов»³⁴.

Главным среди этих милиционеров был Петров. Он родился в 1896 г. недалеко от города Купянска Харьковской области в рабочей украинской семье. Сначала служил солдатом в царской армии, а затем воевал в Красной армии. Вступил в Компартию в 1928 г., когда начал работать в милиции. К 1935 г. он дослужился до начальника милиции Маньковского района, откуда в августе 1937 г. был мобилизован на проведение массовых операций в Умани³⁵.

Комната № 21 служила для предварительной обработки арестованных, в ходе которой проходил отбор тех, кто сразу или вскоре после применения силы соглашался подписать ложные признательные показания, а также отказавшихся клеветать на себя. В комнате стоял длинный стол, на котором были разбросаны карандаши и бланки документов. Стульев хватало, чтобы посадить лишь часть арестованных. Петров обычно начинал с того, что просил поднять руки тех, кто признавал себя виновным. Тем, кто соглашался «быть виновным», задавали несколько общих вопросов, а затем передавали следователям для индивидуального детального допроса. Тех, кто не признавал вину, унижали, избивали, наказывали долгим изнурительным стоянием³⁶.

³⁴ ГДА СБУ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 142–144, 145, 147–148; т. 5, арк. 170.

³⁵ Там само, арк. 97, 308 зв.

³⁶ Там само, арк. 141–144, 340–340 зв.

Петров изворачивался, давая показания на допросах и двух судебных процессах. То утверждал, что Борисов и Томин не давали ему указаний избивать заключённых и отрицал, что он кого-либо избивал, то соглашался – избивал, но не «систематически». В конце концов, признался в избиениях, объяснив, что ему «не давали указаний бить арестованных, но говорили, что надо дать 100 признаний в день»³⁷.

Борисов показал, что единственной целью «лаборатории» было получать признательные показания с применением физической силы, если это было необходимо³⁸. Он не отрицал того, что знал о том, что происходило в комнате № 21, но утверждал, что был удивлён, когда услышал, что Петров получает так много признательных показаний. Поэтому спросил у Томина, не связано ли это с каким-то «художеством», а тот ответил:

«Ведь Вы же знаете, что я – сильный человек и, если ударил бы, то убил бы человека; мне достаточно только накричать на арестованного»³⁹.

Это означало, что «нарушений» в следственной работе не происходило. Кроме этого, Борисов заявил, что Томин не допускал его к проведению допросов.

Конечно, Борисов был хорошо осведомлён о расстрелах. По приказу областного УНКВД именно он организовал местную расстрельную команду. Это была группа, состоявшая, по крайней мере, из семи человек, включая водителя местного НКВД, фельдъегеря и вахтера, которые помогали милиционерам⁴⁰. Борисов назначил начальника тюрьмы Абрамовича старшим по приведению приговоров в исполнение. Этот человек, как и Борисов, был сыном еврея-портного. Родился в 1903 г. в Харькове, служил в Красной армии с 1923 г. до назначения в ГПУ УССР в 1926 г. Членом Компартии стал в 1930 г. Он был женат, имел двух детей. Известно, что страстно любил автомобили⁴¹. По его

³⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 145, 150.

³⁸ Там само, т. 4, арк. 27–31.

³⁹ Там само, т. 6, арк. 141–142.

⁴⁰ Там само, т. 1, арк. 45–53, 180–216; т. 4, арк. 6–11.

⁴¹ Там само, т. 6, арк. 97, 151–153, 308 зв., 336 зв.

словом, согласился на работу в ГПУ из чувства «партийного долга»⁴².

Расстрелы групп, общей сложностью около 40 человек, проходили каждую ночь в трёх подвальных комнатах Уманского райотдела НКВД, располагавшихся под клубом⁴³. В первой комнате Борисов проверял фотографии и другие документы, удостоверявшие личность приговорённых к смерти. Во второй комнате Абрамович обыскивал заключённых под предлогом, что они должны идти в баню перед отправкой в исправительно-трудовой лагерь. Ни один из смертников не знал о своей судьбе до самого последнего момента. В третьей комнате их расстреливали⁴⁴. Водитель Зудин заводил мотор своей машины во дворе, чтобы заглушить звук выстрелов. После экзекуции Зудин и Абрамович вывозили трупы, скрытые под брезентом в кузовах машин, к месту захоронения⁴⁵.

Вначале трупы хоронили в одежде. По словам Борисова, не было никаких инструкций о том, что делать с деньгами и другим имуществом расстрелянных. Когда Абрамович предупредил Борисова, что члены расстрельной команды роются в карманах у мёртвых, тот приказал Абрамовичу прекратить мародёрство. Но через несколько дней, находясь в Киеве, он поинтересовался у Шарова, что делать с имуществом расстрелянных. Начальник дал разрешение членам расстрельной команды, «в связи с тяжестью этой работы», делить имущество убитых между собой⁴⁶. После этого осуждённых перед расстрелом стали заставлять раздеваться, якобы для бани, а после экзекуции члены расстрельной команды делили деньги и вещи.

Такая практика продолжалась до тех пор, пока жена одного из расстрелянных не сообщила о том, что увидела одежду убитого мужа в продаже на местном базаре. Борисов утверждал, что после этого он немедленно прекратил эту практику.

⁴² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 151–153.

⁴³ Там само, арк. 320–320 зв.

⁴⁴ Там само, т. 4, арк. 39–47; т. 6, арк. 320–320 зв.

⁴⁵ Там само, т. 6, арк. 332.

⁴⁶ Там само, арк. 143.

Вскоре после этого приехала комиссия административно-хозяйственного отдела областного УНКВД во главе с неким Мищенко, который приказал Борису вернуть имущество расстрелянных, а все вещи «порубить и закопать». Краденное было собрано, «уничтожено и предано земле»⁴⁷.

Борисов знал, что творилось в Умани, но, по его словам, всем «заправлял Томин». В ходе суда без конца доказывал, что уважал революционную законность, за исключением нескольких незначительных случаев, никого не избивал и на оперативных собраниях неоднократно предупреждал не использовать физическую силу. Однако, в конце концов, Борисов признал, что в существовавших обстоятельствах смирился с реалиями массовых операций. На суде он сказал:

«Если бы я активно выступал против тех методов следствия [...], то меня уже давно не было бы в живых»⁴⁸.

Он утверждал, что принимал «все необходимые меры для соблюдения ревзаконности». Но он не мог отдать под суд ни одного нарушавшего закон, так как его самого бы «по обстановке того времени могли предать суду за контрреволюционный саботаж»⁴⁹. Это было правдой.

Его версия событий перекладывала ответственность за создание условий к «нарушению революционной законности» в Умани на вышестоящее руководство и его представителя – Томина. Большинство свидетелей подтвердили его показания. Тем не менее, несмотря на детальность и чёткость версии событий в изложении Борисова, она не раскрывает *всей* истории. Вновь необходимо расширить рамки повествования, на сей раз – привнеся в него показания ряда ключевых свидетелей. В этом случае станет очевидно, что «местные художества» в сочетании с приказами «сверху» привели к созданию ужасных обстоятельств осуществления массовых репрессий в Умани.

⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 6–11; т. 6, арк. 143.

⁴⁸ Там само, т. 6, арк. 143.

⁴⁹ Там само, арк. 144.

Часть III

Как во время досудебного разбирательства, так и в своих показаниях на суде, свидетели признавали широкое распространение нарушений в работе Уманского райотдела НКВД. Хотя бывшие среди свидетелей следователи НКВД, как правило, отрицали свою собственную причастность к этим нарушениям. Многие представили дополнительные свидетельства в поддержку заявлений Борисова о том, что областное НКВД создало условия для нарушений. Отдельные чекисты дали свидетельские показания о «художествах», творившихся в комнате № 21. Но свидетельства о разграблении имущества во время расстрелов вылились в споры, обвинения во лжи и давлении на свидетелей. Самые нелюбезные показания были о разложении расстрельной команды. Именно в этих показаниях можно проследить как приказы, поступавшие «сверху», соотносились с настроениями сотрудников местного райотдела НКВД.

Парторг Уманского райотдела НКВД Данилов (1906 г. р.) в 1937 г. работал оперуполномоченным в Умани, поэтому представил некоторые убедительные доказательства ключевой роли сотрудников областного НКВД в «установлении параметров» террора в Умани. Именно Данилов дал показания о том, как Бабич изменил «тон» в практике сотрудников Уманского райотдела НКВД⁵⁰. Данилов подтвердил показания Борисова о роли Рейхмана. На третьем судебном процессе Данилов заявил:

«На оперативном совещании Рейхман на меня кричал за то, что я либеральничаю с арестованными [...], тогда же от Рейхмана попало и Борисову тоже. Рейхман меня довёл до плача, он меня ругал и угрожал, говоря, что надо будет ко мне присмотреться, и я вынужден был ему пообещать, что изменю методы своей работы»⁵¹.

По словам Данилова, после этого совещания стало ясно, что «Томин начал задавать тон в работе»⁵². Данилов также утверждал, что положение в областном НКВД было «ещё хуже», чем в

⁵⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 313–313 зв.

⁵¹ Там само, арк. 311.

⁵² Там само, арк. 311. Следователь М. И. Белов утверждал на суде о существовании общего мнения о том, что Томин не подчинялся Борисову и при раз-

Умани, и, главное, что была «прямая установка» из областного НКВД бить арестованных⁵³. Он припомнил, что сам Борисов не давал указаний применять пытки,

«шёпотом говорил, что надо позвонить в Киев в УНКВД и получить санкцию»⁵⁴.

Наконец, этот сотрудник решительно свидетельствовал, что Борисов был против применения силы в добывании показаний, но находился под сильным давлением Шарова и Рейхмана⁵⁵.

Данилов утверждал, что он никогда не был в комнате № 21, но от других следователей слышал о её существовании и избияниях в ней⁵⁶. Периодически он присутствовал на расстрелах. Он припомнил переполюх в кабинете Борисова, когда они узнали, что жена члена расстрельной команды Кравченко продаёт на базаре одежду расстрелянных. Позже, когда он говорил об этом с Борисовым, тот сказал, что «якобы имеется какая-то договорённость с областью», что лучше пусть члены расстрельной команды берут вещи себе, «чем чтобы всё это шло в землю», мотивируя это решение тем, что работа у них «очень адская». Данилов также вспомнил, что Абрамович и другие исполнители расстрельных приговоров жаловались на плохое поведение Щербины и его ссоры с Абрамовичем. В целом, однако, Данилов не мог сказать ничего отрицательного об Абрамовиче и утверждал, что никогда не видел его пьяным⁵⁷.

Другой свидетель, Борис Наумович Нейман, в большей части подтвердил то, что Данилов сказал про Борисова, но имел совершенно другое мнение об Абрамовиче. Рождённый в 1907 г., Нейман работал в Уманском райотделе НКВД с середины октября до конца декабря 1937 г., а затем с 13 марта 1938 и до конца апреля 1939 г. Ранее он занимал должность следователя транс-

ногласии их мнений все следовали указаниям Томина. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 116–117.

⁵³ Там само, арк. 312.

⁵⁴ Там само, арк. 312.

⁵⁵ Там само, арк. 311–312.

⁵⁶ Там само, арк. 311.

⁵⁷ Там само, арк. 113–115.

портной прокуратуры станции Христиновка. Его работа в Умани состояла в том, чтобы писать обвинительные заключения и подшивать дела⁵⁸.

Нейман заявил суду, что он слышал от других сотрудников НКВД, что ответственность за организацию комнаты № 21 несёт Шаров. Более того, работники областного УНКВД Роголь, Шарбурин и Рейхман посещали «лабораторию» и были хорошо осведомлены о том, что там происходит⁵⁹. Нейман также утверждал, что ему «приходилось лично слышать категорическое запрещение Борисова бить арестованных»⁶⁰. Показания Неймана о расстрелах были основаны на его личном присутствии в расстрельных камерах, хотя Абрамович утверждал, что он выгнал Неймана оттуда из-за угрозы рикошета пуль⁶¹. Нейман, однако, смог описать процедуру расстрела, отметив, что работа Борисова состояла в том, чтобы проверять удостоверения личности осуждённых, сообщать им о том, что их готовят к транспортировке. Затем он должен был уйти. После ухода Борисова, осуждённые по одному шли к Абрамовичу, который забирал у них деньги в обмен на квитанции. Только после этого заключённых расстреливали⁶².

Нейман утверждал, что вначале он думал, что деньги осуждённых отдавали государству, а их имущество закапывали. Позже, однако, он оказался в кабинете Борисова в тот момент, когда тот отчитывал членов расстрельной команды Кравченко и Карпова за то, что те допустили продажу вещей расстрелянных на базаре. Именно тогда Нейман, по его словам, обнаружил, что расстрельная команда делила краденное. Нейман также сказал, что видел, как Абрамович выбил золотые зубы у расстрелянно-

⁵⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 124–128.

⁵⁹ Биографию Марка Павловича Роголя (1905–1941) см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 363–364. М. Роголь в августе 1937 – апреле 1938 г. – начальник 3-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области. Шарбурин в 1937 – апреле 1938 г. – помощник начальника 3-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области.

⁶⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 124–126.

⁶¹ Там само, арк. 322.

⁶² Там само, арк. 124–125.

го и утверждал, что якобы написал об этом случае в донесении за период с 28 февраля по 28 марта 1938 г. начальнику областного УНКВД Н. Н. Федорову. Он добавил, что Абрамович присвоил шинель расстрелянного начальника Монастырищенского райотдела НКВД Соболя и уже на следующий день после расстрела её носил⁶³. Абрамович в ответ назвал показания Неймана «вымышленными». Он утверждал, что Григорий Пименович Сагалаев, занимавший с августа 1938 г. пост начальника Уманского райотдела НКВД, сговорился с Нейманом, чтобы его «угробить»⁶⁴. Позже Абрамович заявил, что Нейман возненавидел его после того, как он выгнал Неймана из расстрельных камер⁶⁵.

Вопрос о выбивании золотых зубов у расстрелянных не раз возникал во время трёх судебных процессов. Член расстрельной команды, охранник Уманской тюрьмы Емельян Фёдорович Кравченко (его жена, предположительно, продавала вещи на базаре) на втором судебном процессе показал:

«Перед исполнением приговоров у арестованных отбиралась одежда, из которой: плохая одежда уничтожалась, а лучшую одежду брал себе Абрамович, частично раздавал он одежду и сотрудникам – участникам его бригады».

Кравченко также подтвердил, что видел, как Абрамович выбивал золотые зубы⁶⁶. В ответ Абрамович вновь обвинил Сагалаева в том, что он заставил Кравченко дать ложное показание⁶⁷. Член расстрельной команды, фельдъегерь Уманского райотдела НКВД Пётр Михайлович Верещук подтвердил, что Абрамович брал лучшее себе и именно он выбивал золотые зубы. Он утверждал, что Сагалаев сказал ему и Кравченко только то, что они должны давать показания, но что именно говорить, он им

⁶³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 1, арк. 42– 53, 106–111; т. 6, арк. 124–128, 320–323.

⁶⁴ Там само, т. 1, арк. 180–216; т. 6, арк. 128, 326, 337–337 зв.

⁶⁵ Там само, т. 6, арк. 322–322 зв.

⁶⁶ Там само, арк. 104. См.: Там само, т. 1, арк. 106 а–110 а. Тут Кравченко утверждает, что его жена продавала только его личные вещи. Кравченко также сказал, что он получил от Абрамовича две пары сапог, костюм, три рубашки, два пиджака и несколько пар нижнего белья.

⁶⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 337–337 зв.

не указывал⁶⁸. Два других члена расстрельной команды Григорий Константинович Блинкин и Степан Николаевич Пиванов, которые давали показания только на первом судебном процессе, утверждали, что не видели, как Абрамович выбивал золотые зубы. Блинкин добавил, что расстрелы были подобны конвейеру, и что

«не было даже минуты свободной, чтобы заниматься извлечением золотых зубов у осуждённых».

Кравченко возразил, что

«можно было найти время, несмотря на то, что все очень были заняты»⁶⁹.

Шофёр Зудин также участвовал в расстрелах. На первом судебном процессе, когда он ещё не был обвиняемым, утверждал, что Абрамович забрал большинство ценностей – 200 золотых зубов. Он обвинил Абрамовича: тот заставлял его возить мешки с одеждой на личную квартиру⁷⁰. На втором и третьем судебном процессах, где он уже был подсудимым, Зудин изменил свои показания, сказав, что никогда не видел, чтобы Абрамович выбивал золотые зубы⁷¹. Зудин объяснил, что это Сагаляев заставил его лжесвидетельствовать против Абрамовича⁷².

Возможно, ещё более показательным для понимания «теневой экономики» преступного мира работников НКВД, чем вопрос о золотых зубах, было отношение к вещам расстрелянных. Сотрудник Тихон Семёнович Калачевский, выходец из крестьянской семьи, который был допрошен перед первым судебным процессом, но не давал показаний на суде, сказал:

«Необходимо отметить, что в то время в оперследгруппе было создано мнение о том, что приведение в исполнение приговоров – это тяжёлая работа и, если участники этого берут вещи, то нет ничего страшного, что они, мол, заслуживают этого».

Калачевский был потрясён, когда увидел Абрамовича в шине-

⁶⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 129–131.

⁶⁹ Там само, т. 1, арк. 180–216.

⁷⁰ Там само, арк. 54–61.

⁷¹ Там само, т. 6, арк. 155, 332.

⁷² Там само, арк. 333.

ли расстрелянного Соболя на второй или третий день после его казни⁷³. По словам Калачевского, он осуждал подобное воровство и поднял этот вопрос у Борисова, на что тот ответил, что областное НКВД дало понять ему и Данилову, который, похоже, тоже был расстроен этими действиями, что это нормальная практика. Похоже, областное НКВД разделяло мнение уманских сотрудников, считая, что, выполняя «трудную» работу, они имели право присваивать имущество расстрелянных⁷⁴.

Из показаний Неймана ясно, что расстрелов ждали с нетерпением. На одном из своих ранних допросов Нейман вспомнил случай, произошедший в декабре 1937 г., когда во время расстрелов отключили электричество. Он попросил шофёра Зудина немедленно отвезти его на электростанцию, но тот ответил, что отвезёт его позже, а то у него «пропадёт запал». На вопрос Неймана, что такое «запал»⁷⁵, Зудин объяснил, что это полагающаяся ему

«при разделении Абрамовичем часть денег, отобранных при расстрелах у осуждённых»⁷⁶.

Ещё один вопрос, который вызвал разногласия на суде, касался роли Томина и «запала». В показаниях Томин утверждал,

⁷³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 129–131. Младший лейтенант государственной безопасности Василий Спиридонович Соболев 3 апреля 1937 г. уволен в запас с должности начальника Монастырыщенского РО НКВД Киевской области. Расстрелян в Умани 4 или 5 ноября 1937 г.

⁷⁴ О практике расстрелов см.: *Тепляков А.Г.* Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М.: Возвращение, 2007. – С. 33–59.

⁷⁵ На блатном жаргоне ворованное называют «палёным». Использование мародёрами однокоренного с «палёным» слова «запал» – симптоматично. Оно на уровне языка и мышления связывает членов расстрельной команды с криминальным воровским миром.

⁷⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 1, арк. 45–53. По вопросу о присвоении денег, в отличие от присвоения имущества заключённых, тюремный бухгалтер и кассир являлись свидетелями и предоставили «экспертные» показания о том, как деньги заключённых возвращались им перед отправкой в лагерь или, в данном конкретном случае, перед расстрелом. Бухгалтер Виктор Григорьевич Гольдгубер вёл очень детальные записи и смог рассказать суду – сколько карманных денег заключённым позволялось взять с собой на этап, а также о разрешении Абрамовича им брать с собой больше положенных инструкцией 100 руб. См.: Там само, т. 6, арк. 131–132, 331–331 зв.

что только трижды участвовал в расстрелах. Он указал, что Роголь, бывший начальник третьего отдела областного УНКВД, запретил ему туда ходить, так как это негативно сказывалось на следовательской работе. Тем не менее, по собственному признанию, он продолжал время от времени на несколько минут заходить в расстрельные камеры⁷⁷. Этот чекист заявил:

«Я лично от Абрамовича ни одной вещи и ни одной копейки денег [...] не получил»⁷⁸.

Он припомнил, что члены расстрельной команды вели «нездоровые разговоры» о дележе имущества расстрелянных, и смысл разговоров, в особенности, слов Зудина, состоял в том, что «они много работают, но не получают» материального поощрения⁷⁹. Томин придерживался этих показаний в ходе двух судебных процессов.

Шофёр Зудин сказал своему следователю, что Томин и Борисов иногда заходили в комнаты для расстрела. Однако в их присутствии Абрамович не заставлял осуждённых раздеваться и не забирал их вещи⁸⁰. Нейман показал, что Борисов и Томин приходили на расстрелы и даже видели, как Абрамович выбивал золотые зубы⁸¹. Абрамович же на первом судебном процессе утверждал, что Томин и Данилов получали свою долю добычи, но изменил свои показания на втором процессе, не сумев вспомнить, получал ли Томин что-то из ворованного⁸². В конце первого процесса члены Военного трибунала пришли к заключению, что Томин знал о преступлениях Абрамовича, и поэтому постановили расширить следственное дело⁸³. К концу второго процесса, однако, Военный трибунал заключил, что не было достаточных доказательств грабежа во время расстрелов⁸⁴. Вполне

⁷⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 41–42.

⁷⁸ Там само, арк. 47.

⁷⁹ Там само, арк. 43–44.

⁸⁰ Там само, т. 1, арк. 54–56.

⁸¹ Там само, арк. 106–111.

⁸² Там само, арк. 128–131.

⁸³ Там само, арк. 154, 219, 231, 233.

⁸⁴ Там само, т. 6, арк. 172–176.

вероятно, что именно это заключение заставило Москву вмешаться и потребовать провести третье судебное разбирательство.

Свидетели также обвинили Томина в перенаселённости тюремных камер, что привело к смерти четырёх заключённых. Уманский следователь Иван Андреевич Мышко свидетельствовал, что ему было «известно со слов сотрудников НКВД» о тюремном режиме, о перегруженности камер и отсутствии воздуха⁸⁵. Вряд ли Томин сознательно создавал эти смертоносные ловушки. Перенаселённость тюрьмы была общеизвестным фактом и достигла кризисного состояния при наличии 2,5 тыс. человек в здании, рассчитанном только на 400–450 заключённых⁸⁶. Томин утверждал на суде, что он не помнит случаев смерти от перенаселённости камер. Борисов согласился с тем, что, возможно, Томин мог и не знать об этом, но, утверждал: перенаселённость камер в «коронном владении» Томина, третьем отделе, вызывалось тем, что в разработке было слишком много дел. В то же время Борисов подтвердил, что он, как начальник Уманского райотдела НКВД, нёс за это полную ответственность⁸⁷.

Начальник санчасти Уманской тюрьмы Соломон Наумович Гольденштейн служил источником самой надёжной информации о том, что творилось в тех камерах:

«Не помню когда, меня вызвал Абрамович в НКВД. Когда я туда прибыл, я застал следующую картину: 4–5 человек заключённых лежали голые, 2 или 3 из них уже были мертвы, а двух приводили в чувство путём искусственного дыхания. Мне предложили отправиться в КПЗ, где я увидел, что содержащиеся там арестованные задыхались от перегрева воздуха. Всем потерпевшим мною была оказана медицинская помощь. Один из задохнувшихся арестованных ожил, но впоследствии умер уже от другой болезни».

Продолжая, Гольденштейн сказал, что у него нет информации о тех четырёх, кто умер от удушья, потому что их не доставили в тюремную санчасть, где обычно оформлялась документация. Далее Гольденштейн показал, что в то время он не рекомендо-

⁸⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 99.

⁸⁶ Там само, т. 5, арк. 1–8, 277–302.

⁸⁷ Там само, т. 6, арк. 103, 109, 144.

вал проводить вскрытие в тех случаях, когда смерть наступила от удушья⁸⁸.

Александр Михайлович Лебедев (47 лет) был врачом Уманской тюрьмы. Он проводил вскрытия трупов. Хотя ему нечего было сказать конкретно о случаях удушья, он свидетельствовал, что трупы, которые доставляли ему, не имели при них объяснений обстоятельств смерти. Когда он спросил Борисова об этом упущении, тот ответил, что это «не важно», и Лебедев понял: об этом расспрашивать не следует⁸⁹. Он знал – некоторые заключённые были убиты, но писать об истинных причинах смерти нельзя. На процессе недоумевал, зачем вообще было делать вскрытие, заявляя:

«Цель вскрытия этих трупов мне не известна». Врач боялся, что будет арестован, если назовёт убийство убийством, хотя и вполне сознавал, что такая позиция «является сделкой с совестью[...]

Лебедев и без приказов из области хорошо понимал, что следует и чего не следует делать.

Показания пострадавших на суде были немногочисленны, за исключением тех, что касались работы Томина в Тирасполе, где он впоследствии служил заместителем наркома Молдавского республиканского НКВД. Тем не менее, среди жертв были те, кто, пройдя комнату № 21, выжил и дал показания или написал жалобы в вышестоящие инстанции. Перед тем, как обратиться к ним, полезно отметить, что стало первым «сигналом» о нарушениях «соцзаконности» в Умани. Курсант, мобилизованный для работы в Уманской оперативно-следственной группе из школы НКВД в Киеве, послал заявление прямо в «Правду»:

«В школе, где учили нас вежливому обращению с людьми и арестованными, и чекистской выдержке, и ловкости в следствии (sic). На практике оказалось противоположное, и мы, курсанты, этим были поражены, сочли свою учёбу напрасной и лишней [...]. Томин сказал, что наши курсовые знания отстали

⁸⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 112–113.

⁸⁹ Тамсамо, арк. 110–112.

⁹⁰ Тамсамо, арк. 328–329 зв.

от практики, здесь вам придётся изменить их и при допросах применять физические методы воздействия»⁹¹.

Не ясно, был ли этот «сигнал» связан с началом судебного разбирательства по делу Уманского райотдела НКВД, но заявление курсанта оказалось среди документов, и следователи, которые допрашивали бывших уманских начальников, ссылались на конкретные факты, изложенные в этом заявлении⁹².

Поступали и другие «сигналы». Они шли от пострадавших жителей Уманского и других районов, которые писали лично Сталину, в Комиссию советского контроля при СНК СССР⁹³, политбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, НКВД, уманскому и всесоюзному прокурорам, рассказывая о пережитой трагедии. В общей сложности в «Уманском деле» сохранилось восемь подобных писем и заявлений. Бывший председатель сельсовета Даниил Алимпиевич Деликатный 24 мая 1939 г. написал в Комиссию советского контроля из Пермского лагеря. Он утверждал, что два якобы «кулака» превратились из обвиняемых в разоблачителей. Они ложно обвинили Деликатного и всё сельское руководство в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации. Его арестовали 15 апреля 1938 г. и на следующий день доставили в Уманский райотдел НКВД. Оказавшись в комнате № 21, он отрицал все обвинения, за что его заставили стоять пять дней подряд. На шестой день Петров избил его и сказал, что, если Деликатный хочет жить, он должен признать обвинения. Этот сотрудник объяснил, что именно нужно написать. После этого Деликатного отправили к следователю, который написал признательные показания и заставил их подписать:

«Я, боясь избиений, ещё подписал, не зная что».

⁹¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 227–228.

⁹² В частности, курсант сделал несколько заявлений о сексуальных домогательствах в расстрельных камерах. Следователи неоднократно спрашивали об этом свидетелей, но безрезультатно.

⁹³ Орган государственного контроля в СССР. Создан 11 февраля 1934 г. вместо наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Реорганизован 6 сентября 1940 г. в союзно-республиканский наркомат государственного контроля.

Далее бывший арестованный сообщил:

«До этого времени я никогда в жизни не мог себе представить, что при Советской власти могут происходить допросы в таких условиях»⁹⁴.

31 января 1939 г. Евгений Филиппович Зайончковский написал Сталину из лагеря в Карелии. Он рассказал, что происходило в печально известной комнате № 21, где практика групповых пыток прикрывалась эвфемизмами: «Езда к Гитлеру», «Езда в Польшу», «Качание керосина». Одних арестованных заставляли избивать других арестованных. Он поведал Сталину, что в Умани массовые беспочвенные аресты совершались без санкции прокурора. В частности, он упомянул Томина и Петрова. Братья Зайончковского в январе также послали жалобы в политбюро ЦК КП(б)У и прокурору УССР⁹⁵.

Иван Григорьевич Кондратко 4 июня 1938 г. написал в НКВД СССР, рассказав о пережитом в Умани. Следователь Белый пытал его «методом парашюта», при котором:

«[...] Садят на конец высокой скамейки, вытягивают ноги, и руки ложат (sic) на колени, после чего у меня выбивают скамейку»⁹⁶.

Аврумберг Мошкович Клейтман подал «заявление-жалобу» прокурору Украины. Он писал:

«Меня 25 раз вызывали на допрос, и каждый раз меня били до полусмерти».

Клейтман отказался подписать ложное признание, потому что считал себя «честным гражданином». Он отмечал, что следователь Владимир Семёнович Крикленко

«меня заставлял молиться богу по-еврейски, давши мне две свечи в руки и револьвер до рта, он же заставил меня ехать в Польшу и лил мне холодную воду в затылок».

Крикленко угрожал семье Клейтмана, в частности, его 15-летней дочери. Когда Клейтман писал письмо, он был уже на свободе, но не смог примириться с клеветой и пытками, которым он подвергнулся⁹⁷.

⁹⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 231–235.

⁹⁵ Там само, арк. 237–239, 243–244, 247.

⁹⁶ Там само, арк. 251–255.

⁹⁷ Там само, арк. 256.

Заключённый «Федя», учитель математики, в письме жене попросил её найти в Киеве управу на мучителей. Одним из главных «героев» его истории был Петров.

«[...] Мне приходилось, – писал “Федя”, – видеть людей, вышедших с допроса черными от побоев».

Он описал условия своего пребывания в камере, где находилось 42 человека:

«Это небольшая комната, не больше нашей кухни, без окон, с маленьким отверстием в двери».

«Федя» отказывался лжесвидетельствовать против себя, но после того, как с 20 до 28 июля 1938 г. его допрашивали каждую ночь до 6 часов утра, он подписал признание, хотя потом мучился от того, что ему пришлось врать⁹⁸.

Сидор Викторович Когут проходил свидетелем на втором и третьем судебных процессах. Когуту было тридцать лет, он работал в сельской кооперации. 24 апреля 1938 г. после ареста его привезли в Умань и немедленно доставили в «лабораторию». Там он увидел пьяного Петрова и 15–18 заключённых. Петров ударил его в ухо, а когда Когут заявил, что у него нет на это права, Петров избил его и бросил в камеру. В результате избиений Когут оглох. Он объяснил, что

«“качать керосин” это значит непрерывно делать приседания, а “айда до Гитлера в гости” – это значит, что заставлял на четвереньках ездить и я ездил» (sic).

Когут также показал, что Петров бил заключённых палкой, в том числе и самого Когута⁹⁹.

Когут был единственным потерпевшим из Умани, свидетельствовавшим на суде, но двое других дали показания на допросах. М. И. Смерчинский сказал, что его силой заставили признаться в принадлежности к контрреволюционной организации. Он описал издевательства и пытки:

«Мне приходилось наблюдать так званые (sic) “концерты”. Заключались они в том, что арестованные друг друга избивали по предложению следователя – танцевали, пели. Руководил этими

⁹⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 263–270.

⁹⁹ Там само, т. 6, арк. 128–129, 323–323 зв.

концертами Фомин, Петров, Томин, Куратов. Помню, директор уманской школы Козак 16 суток стоял, опух, его жестоко избил Куратов [...]. Лично слышал, как из комнаты, где были арестованные старики – евреи, вызванные на допрос, слышались песни еврейские и пляски. Арестованный старик – еврей Штраус говорил мне, что их заставляли петь и танцевать»¹⁰⁰.

Во время следствия допросили и Дмитрия Ефимовича Дубиняк, которого в комнате № 21 пытал Петров. Он вспомнил, что Петров и следователь Чумак по очереди «заправляли там делами» (в комнате № 21. – *Л. В.*), причём Чумак был нетрезв. Дубиняк отказался подписать признательные показания и, в конце концов, был освобождён¹⁰¹.

Среди других потерпевших, давших показания, были женщины, которых, как и в Умани, в Тирасполе обыскивал Томин, заставляя раздеваться догола. Главным свидетелем была Лидия Иосифовна Павлик, экономист и жена бывшего сотрудника НКВД в Тирасполе. Их с мужем арестовали. В камере, где содержали Лидию Павлик, находилось ещё 25 женщин. 10 ноября 1938 г. туда зашёл Томин в сопровождении начальника тюрьмы и других сотрудников НКВД. По слова Павлик, обыск был проведён с нарушением всех правил. Томин заставил женщин полностью раздеться. Когда некоторые из женщин стали протестовать, он заявил:

«Не стесняйтесь, ведь вы в кабинете врача раздеваетесь».

Другая свидетельница, Любовь Владимировна Стаценко, бухгалтер из Одессы, также запомнила этот обыск. Она говорила, что заключённая А. Н. Варварецкая протестовала, отказавшись раздеться в присутствии мужчин. Томин обматерил Варварецкую и заставил её снять бюстгальтер и нижнее белье. Софья Моисеевна Пикгольц, врач по профессии, также запомнила протест Варварецкой. Она сама протестовала против действий Томина, который кричал на неё:

«Что же ты, б.., не хочешь раздеваться! Снять рубашку!».

Продолжая, она сказала:

¹⁰⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 57–58.

¹⁰¹ Там само, арк. 1–8, 45–48.

«Я стояла абсолютно голой, а надзиратель Ангелуша ощупывала грудь, тело и половой орган».

Когда она отказалась разрешить Ангелуше проверить влагалище, Томин пригрозил бросить её в карцер.

Сама Ангелуша вначале «забыла» об этом обыске, однако затем, в результате повторных допросов, призналась. Она служила надзирательницей с 1932 г. Вместе с другой, более молодой надзирательницей, Натальей Моисеевной Спогушевой, она подтвердила показания пострадавших женщин и призналась, что ранее обыски с раздеванием догола никогда не проходили в присутствии мужчин¹⁰². Томин позднее высказал сожаление, что «не знал» правила проведения обысков женщин¹⁰³.

Действия Томина в Тирасполе были продолжением беззакония, которое творилось в Умани. Там оно не ограничилось стенами Уманского райотдела НКВД. Томин проживал в городской гостинице, где он часто развлекал Абрамовича, Щербину и других сотрудников НКВД. По словам заведующей гостиницы Елены Александровны Соболевой (24-х лет), все они там выпивали. Она сказала, что Абрамович был особенно неприятным, всё время что-то требовал и придирался. Когда она призвала Абрамовича к ответу за сломанный телефон, тот сильно ударил её по лицу. Она пожаловалась на это Борисову и лишилась работы. Соболева также показала, что Щербина приходил в гостиницу, чтобы переспать с некой Аносовой, чей муж был арестован¹⁰⁴. Софья Мефодиевна Морозенко жила в одном доме с Аносовой, которая ей призналась, что Щербина «хочет за ней ухаживать» и что он передавал записки её мужу в тюрьму¹⁰⁵.

Ночные развлечения сотрудников НКВД, вероятно, стали причиной того, что, как утверждал следователь Мышко, весь

¹⁰² Протокол их допроса см.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 188–209, за которым следует протокол очной ставки между Томиным и Стаценко: арк. 210–214. Их показания см.: Там само, т. 6, арк. 118–122, 324–325.

¹⁰³ Там само, т. 6, арк. 149.

¹⁰⁴ Там само, арк. 132–133, 325.

¹⁰⁵ Там само, арк. 133, 325.

город знал, что творится в уманском застенке¹⁰⁶. Пьяное беспутство в местной гостинице, продажа на базаре вещей расстрелянных, принуждение женщин к сожительству – всё это тоже были проявления террора.

Часть IV

Какие доводы в своё оправдание привели сами уманские подсудимые? И какие выводы о мотивах их поведения можно сделать на основе анализа их показаний? На первый вопрос ответить легче, чем на второй. Главным самооправданием действий подсудимых стало то, что историк Холокоста Рауль Хилберг назвал «доктриной приказов свыше» («the doctrine of superior orders»)¹⁰⁷. Подсудимые и многие свидетели доказывали, что вышестоящее Киевское областное УНКВД примером и приказом создало условия для правонарушений и ошибок, совершенных в ходе массовых репрессий в Умани. Однако в Умани были вопросы и другого, второстепенного, значения: кто руководил, Борисов или Томин? Кому именно и что именно было известно? В какой степени Петров был «самоучкой» в его действиях в «лаборатории»?

Что касается преступлений в ходе расстрелов, следствие муслировало проявления мародёрства, хотя и в этом случае становится ясно, что областное руководство, разрешив расстрельной команде присваивать деньги и имущество расстрелянных, способствовало злодействам.

История Борисова ясна. Он отрицал свою вину, однако не отказался от ответственности за то, что творилось в подчинённом ему райотделе НКВД. Он утверждал, что Томин, как неформальный представитель областного руководства НКВД в Умани, оттеснил его:

«Я не был в состоянии бороться с Томином потому, что знал, что с этого ничего не получится, ибо руководство области и дальше на это реагировать не будет, только нарвёшься на большие

¹⁰⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 315–315 зв.

¹⁰⁷ *Hilberg Raul*. The Destruction of the European Jews. – New York: Holmes and Meier, 1985. – P. 288.

неприятности, вплоть до ареста и предания суду за срыв «оперативной» работы»¹⁰⁸.

Он утверждал, что неоднократно предупреждал своих сотрудников о недопустимости применения физического насилия. Все его подельники, как и многие свидетели, подтвердили его слова, хотя эта поддержка вполне могла быть обманчивой и результатом круговой поруки, которая сложилась под покровительством Борисова в Умани. Борисов заявил суду:

«Ни один свидетель не показал, что я давал указания применять физметоды следствия»¹⁰⁹.

В своём последнем слове на втором судебном процессе Борисов сказал:

«Я – старый оперативный работник, полжизни я отдал делу революции, анализируя настоящее дело и читая обвинительное заключение, я сам себя не узнаю. Обвинительное заключение не соответствует материалам дела»¹¹⁰.

«Я сам – рабочий-швейник, – продолжал он, – отец мой тоже портной. С 1914 до 1919 г. я работал по найму и в 1919 г. я бежал от мобилизации гетмана, поступил в Красную гвардию, затем был в Красной Армии, впоследствии перешёл в органы ЧК и работал по день ареста. Я за всё время своей работы ликвидировал очень много различных контрреволюционных группировок и банд. Я нахожусь под стражей уже 8 месяцев и осознал уже все. Прошу трибунал разобраться и возвратить меня в партию и семью трудящихся»¹¹¹.

Борисов просил о снисхождении, как и все его подельники. Но, в отличие от других, Борисов с самого начала признал, что так называемые «нарушения революционной законности» действительно были нарушением закона. Он видел все, что происходило. Он не оправдывал своих действий, а *объяснял* их как следствие страха, а также того, что Томин оттеснил его от руководства. Возможно, что его непротивление действиям Томина объясняется «компрометирующими материалами», кото-

¹⁰⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 27–31.

¹⁰⁹ Там само, т. 6, арк. 349 зв.

¹¹⁰ Там само, арк. 158–159.

¹¹¹ Там само, арк. 158–159.

рые на него были в НКВД. В обвинительном заключении о преступлениях Борисова упоминалась проведённая в его отношении спецпроверка, в ходе которой выяснилось, что у Борисова были родственники в США¹¹².

Томин представлял совершенно другой случай. Как и Борисов, он на обоих судебных процессах отрицал вину, но отказался признать, что какие-либо правонарушения вообще вершились в Умани. С самого начала допросов он вёл себя уклончиво. На вопрос, почему его уволили из НКВД, Томин утверждал, что ему это не известно. На вопросы о «лаборатории» он ответил, что об «искривлениях» не знает. Он также отрицал, что Борисов фактически находился у него в подчинении¹¹³. На первом судебном процессе Томин сказал:

«Я не понимаю своей вины, говорят, что был приказ о назначении меня начальником группы, но я этого сам не знал [...]. В Умань я прибыл с Бабичем в качестве рядового следователя, с Бабичем я был в плохих взаимоотношениях»¹¹⁴.

Томин считал, что он действовал исключительно в соответствии с приказами, идущими «сверху», т. е. от областного начальства¹¹⁵. На допросах и на обоих судебных процессах Томин утверждал, что никогда не давал приказов применять к арестованным физическую силу¹¹⁶. Более того, он вообще отрицал, что видел что-то противозаконное в комнате № 21 и что, якобы, он предупреждал следователей не бить арестованных¹¹⁷. Вместе с тем, явно противореча себе, он утверждал, что

«в то время всякое корректное отношение к арестованным считали либеральным, угрожали, что самому придётся за это идти в подвал»¹¹⁸.

¹¹² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 32–33.

¹¹³ Там само, т. 4, арк. 36–37, 39–47, 48–50, 62–64, 76, 110–116.

¹¹⁴ Там само, т. 6, арк. 146.

¹¹⁵ Там само, арк. 147, 346.

¹¹⁶ Там само, арк. 148, 343 зв.

¹¹⁷ Там само, арк. 343 об. –344.

¹¹⁸ Там само, арк. 146–147, 346.

По словам Томина

«Рейхман, приезжая из Киева, продемонстрировал, как надо работать с группой арестованных»¹¹⁹.

Томин старался свести к минимуму ответственность за происходившее на расстрелах. Он утверждал, что всего лишь несколько раз бывал там и ничего не брал из «запала». Он позволял другим присваивать вещи расстрелянных, потому что Шаров дал на это разрешение¹²⁰. По поводу незаконного обыска в Тирасполе, где женщин заставили догола раздеться в присутствии мужчин, Томин сказал:

«Моя ошибка заключается в том, что я, не зная инструкции о порядке производства обыска, зашёл в женский корпус»¹²¹.

Он также не мог припомнить, что кто-то в тюрьме умер от удушья из-за переполненности камер¹²². Заключительные слова Томина на втором судебном процессе могут в определённой степени дать представление о его менталитете. Он сказал:

«Я – не преступник, я всегда стремился отдать себя делу партии. Я – доброволец Красной армии, в 18-летнем возрасте я принял участие в гражданской войне, все годы пребывания в ВКП(б) я не имел взысканий и не стоял в стороне от активной борьбы с врагами партии, никогда не допускал искривлений [...]»¹²³.

Вслед за этим довольно стандартным автобиографическим «приукрашиванием» он продолжал:

«Я не мог разобраться в обстановке 1937 г. и не понимал тогда того преступного, что было, не понимал вражеской сущности. Считал, что все эти мероприятия должны быть направлены только против врага»¹²⁴.

Другими словами, Томин, по всей вероятности, верил в правоту того, что он делал. Он поверил в «правду» 1937 г. Это может объяснить слухи, которые появились во время допросов

¹¹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 147.

¹²⁰ Там само, арк. 149.

¹²¹ Там само.

¹²² Там само, арк. 103.

¹²³ Там само, арк. 159.

¹²⁴ Там само.

свидетелей, о том, что Томин пытался покончить с собой¹²⁵. Возможно, поэтому в начале заключительного судебного процесса он говорил о своём сложном физическом и психическом состоянии¹²⁶. В то же время в его поведении в Тираспольской тюрьме и Уманской гостинице, где собирались сотрудники НКВД, проявились высокомерие, презрение к людям и пристрастие к излишествам – характеристики, которые были свойственны его работе в «лаборатории». Он настолько был уверен в себе, что несколько раз подавал апелляцию по своему делу. В конце концов, его освободили и мобилизовали на фронт¹²⁷. Он пережил войну и в 1977 г. подал безуспешное прошение прокурору о реабилитации¹²⁸.

Петров, по сравнению с Борисовым и Томиным, был второстепенным персонажем, милиционером из «глубинки». На допросах и в суде он говорил, что являлся рядовым исполнителем, к тому же малограмотным. Заявил следователю, что только «теперь» ему стало понятно, что в «системе следствия были нарушения»¹²⁹, а вину за «нарушения» возлагал на Томина. После длительного уклонения от ответа Петров частично признал вину, сказав, что для получения признательных показаний он избивал заключённых в «лаборатории»¹³⁰, однако, никого не покалечил¹³¹. На втором суде он заявил:

«Мне не давали указаний бить арестованных, но говорили, что надо дать 100 признаний в день. Я всё время отчитывался перед Томиным и указания получал только от Томина»¹³².

Петров так для себя уяснил суть проблемы 1937–1938 гг.: если получение признаний было формальной целью, а не действительным доказательством вины, то при огромном коли-

¹²⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 145, 155–157.

¹²⁶ Там само, т. 6, арк. 309 зв.

¹²⁷ Там само, арк. 476, 488.

¹²⁸ Там само, арк. 488–491.

¹²⁹ Там само, т. 4, арк. 122.

¹³⁰ Там само, арк. 131.

¹³¹ Там само, т. 6, арк. 99.

¹³² Там само, арк. 145.

честве арестованных иного выхода, как избивать, выбивать показания не было. По крайней мере, в рамках своего понимания проблемы Петров действовал «честно». Он ни раскаялся, ни признал своей ответственности. Более того, один из его коллег, который не привлекался к суду, показал на процессе, что Петров был «знаменитым колуном», т. е. был известен своим умением «расколоть» арестованного, заставить его давать показания на допросах¹³³. У него было рекордное число признательных показаний и, по его собственным словам, он был «следователем с кулаком»¹³⁴. Он также свидетельствовал о применении к арестованным специфических видов пыток, скрывавшихся под эвфемизмами «температура», «езда к Гитлеру», «езда в Польшу» и т. д.¹³⁵ В своём последнем слове на суде Петров заявил:

«Перед Вами стоит батрак–рабочий–красногвардеец–партизан, я всю жизнь боролся за восстановление нашей страны. Я лично у гроба тов. Ленина давал клятву бороться с врагами Советской Власти. Я член ВКП(б) с 1918 г. Не имел ни одного взыскания. Я пришёл работать не с целью наживы и мародёрства. Клянусь оправдать себя трудом, прошу, чтобы это было для меня последним уроком»¹³⁶.

Как и его подельники, Петров использовал риторику преданности партии, убеждая Военный трибунал в своей идеологической и политической преданности.

Так же поступил и Абрамович. Он был единственным обвиняемым, которому пришлось пройти все три судебных процесса. В первый раз Абрамовича арестовали 6 апреля 1938 г. по ст. 54, п.п. 6, 7 и 10 УК УССР по обвинению «в шпионской деятельности». Его следователь пригрозил Абрамовичу, «что будут либо показания, либо куски мяса». Во время допроса он оскорблял, избивал Абрамовича и, якобы, даже назвал его «красногвардейской сволочью». По словам Абрамовича, в тот момент ему показалось, что он «попал в руки фашистов». Когда он

¹³³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 165–166.

¹³⁴ Там само, т. 6, арк. 319.

¹³⁵ Там само, т. 4, арк. 130–133.

¹³⁶ Там само, т. 6, арк. 160.

возразил следователю, что предан «партии Ленина», тот якобы ответил:

«О том, что ты предан партии Ленина мы знаем, а вот партии Сталина ты изменил»¹³⁷.

Абрамович объявил голодовку, и его делом стал заниматься заместитель начальника областного УНКВД. Видимо, было достигнуто соглашение: Абрамович прекратил голодовку и подписал признательные показания, и вскоре после этого его дело переквалифицировали на ст. 206 п. 17. 2 января 1939 г. он вернулся в Умань.

«Я считал, что драма моей жизни закончена, – вспоминал Абрамович, – но, прибыв домой в Умань, началась новая история».

Его преемник на посту начальника тюрьмы, некто Стахурский, выгнал жену и детей Абрамовича из их квартиры, поселив в маленькой десятиметровой комнате. Сотрудники НКВД конфисковали его имущество, включая и его любимую машину. Абрамович обратился к новому начальнику Уманского райотдела НКВД Сагалаеву, который также занимался допросами «уманских подозреваемых». По словам Абрамовича, Сагалаев был пьян. Абрамович пригрозил Сагалаеву, что напишет официальную жалобу, если его имущество не будет возвращено. На что Сагалаев ответил:

«Пиши, что хочешь и куда хочешь».

Жалобы Абрамовича не принесли никаких результатов, наоборот, 29 марта 1939 г., следователь Огородник вызвал его на допрос по поводу выбивания золотых зубов у расстрелянных:

«Я ему заявил, что это неверно, что зубы – это из моего рта, это можно проверить путём экспертизы».

21 мая Абрамовича повторно арестовали. Он утверждал, что этот арест был результатом «провокации» шофёра Зудина, Кравченко и Неймана¹³⁸.

Абрамович заявлял, что Сагалаев заставил Зудина, члена расстрельной команды Верещука и Кравченко свидетельство-

¹³⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 335–335 зв.

¹³⁸ Там само, арк. 335–336.

вать против него. Он также считал, что Нейман и Сагалаев были друзьями и что, якобы, Сагалаев сказал Щербине, что «сегодня угробит Абрамовича». Зудин, который вначале показал, что Абрамович присвоил двести золотых зубов, на втором судебном процессе отказался от своих показаний, сказав, что он никогда не видел, чтобы Абрамович брал золотые зубы и что Сагалаев заставил его лжесвидетельствовать. Сагалаев, конечно, отрицал факт своего давления на кого-либо. Абрамович обвинил обоих, Зудина и Сагалаева, в том, что они завидовали, что у него есть машина. Машину конфисковали на основании, что Абрамович получил её незаконно. Однако в одной из жалоб Абрамович утверждал, что с 1933 г. копил деньги на машину. Он пояснил, что одни мужчины любят женщин, а он любит машины. Он обвинил Зудина, Сагалаева и одного из начальников Уманского межрайонной оперативной следственной группы – Василия Корнеевича Козаченко – в присвоении его машины¹³⁹.

Абрамович сознался в мародёрстве, но только в некоторой степени. Как и Борисов, он рассказал историю о том, что разрешение присваивать вещи расстрелянных пришло «сверху». Он также настаивал, вопреки показаниям других членов расстрельной команды, что поровну делил деньги и другое имущество. Абрамович настаивал, что ни он, ни другие члены расстрельной команды не выпивали до или после расстрелов, и категорически отрицал, что выбивал золотые зубы у расстрелянных¹⁴⁰.

По словам Петрова, после ареста Абрамовича Томин распорядился скрытно вывезти все ценности из квартиры Абрамовича¹⁴¹. Таким образом, невозможно точно разобраться в деле с золотыми зубами. Кроме того, обращает на себя внимание, что Военный трибунал на втором судебном процессе не обвинял сотрудников Уманского райотдела НКВД в мародерстве¹⁴². Тем не менее, в мародерстве Абрамовича не приходится сомне-

¹³⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 137, 160, 335–337 зв.; т. 7, арк. 10 зв.

¹⁴⁰ Там само, т. 1, арк. 2–3, 180–216; т. 6, арк. 110, 130, 151–153, 160, 335–337 зв.

¹⁴¹ Там само, т. 4, арк. 131; т. 1, арк. 7.

¹⁴² Там само, т. 6, арк. 172–176.

ваться. В ходе следствия и на процессе было высказано достаточно обвинений Абрамовича в том, что он брал имущество – шинель для себя, пальто – для своей жены. О том, как Абрамович относился к своей работе, свидетельствует одна из его встреч с Борисовом. В присутствии начальника, увидев, что его шинель замарана кровью, Абрамович сказал:

«Сукин сын – меня испачкал»¹⁴³.

«Сукиным сыном» был человек, которого Абрамович только что расстрелял. Кроме того, как и в случае с Томином, на репутации Абрамовича сказались его ночные застолья в гостинице и, если верить словам заведующей гостиницей, то, что он ударил женщину по лицу¹⁴⁴.

Абрамовича также обвинили в разглашении государственной тайны. Он утверждал, что не выносил секретов за стены тюрьмы¹⁴⁵. Косвенно, подобное нарушение свидетельствует об определенной степени уверенности Абрамовича в своих действиях в 1938 г. и потере осторожности. Наконец, уместно отметить, что докладная записка, посвященная Абрамовичу, ссылается на материалы спецпроверки НКВД 1935 г., в которых говорится, что Абрамович мог быть сыном торговца и вёл антисоветские разговоры¹⁴⁶. Не ясно, сыграл ли этот компромат какую-либо роль при предъявлении обвинений и повлиял ли он на характер ответов Абрамовича. В конечном итоге, Абрамович в основном «выполнял приказы», но ясно, что он сыграл важную роль в атмосфере безнравственности, коррумпированности и тех зверствах, которые вершились в Умани.

Двумя последними подсудимыми были шофёр Зудин и следователь Щербина, который по совместительству порой выполнял функции могильщика. Николай Павлович Зудин родился в Москве в 1912 г. в рабочей семье. Образование получил лишь начальное. Годы юности Зудин провёл в Красной армии. С 1934 г. он работал шофёром в Уманском райотделе НКВД.

¹⁴³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 321 зв.

¹⁴⁴ Там само, арк. 132, 325–325 зв.

¹⁴⁵ Там само, арк. 154.

¹⁴⁶ Там само, арк. 49–50.

Комсомолец, он был женат и имел на содержании мать и двух сестёр¹⁴⁷. Зудин был неутомимым работником: в течение двух месяцев он присутствовал на расстрелах почти каждую ночь¹⁴⁸. На допросах и первом судебном процессе он дал показание против Абрамовича: тот выбивал золотые зубы у расстрелянных. Но позже от такого свидетельства отказался¹⁴⁹. Несколько свидетелей вспомнили, как Зудин спорил по поводу своей доли из имущества расстрелянных¹⁵⁰. Он был обвинён в присвоении 200 руб., пяти пар сапог, кожанки и трёх пар нижнего белья из «запала»¹⁵¹. Зудин утверждал, что Абрамович брал лучшее себе¹⁵². По большому счету, роль Зудина в «нарушениях» была незначительной. Военный трибунал по результатам второго процесса оставил его безнаказанным, чего не повторилось на заключительном судебном разбирательстве¹⁵³.

Леонид Семёнович Щербина родился в 1901 г. в крестьянской семье. Он был коммунистом с 1925 г., сотрудником органов госбезопасности с 1930 г. На работу в Умань его назначили в 1937 г.¹⁵⁴ Как и Зудин, Щербина выступал ключевым свидетелем по вопросу о мародёрстве во время расстрелов. Его тоже уличили в том, что он ссорился из-за «запала». По словам Борисова, Щербина был «жадный»¹⁵⁵ и склонил к сожительству жену одного из заключённых¹⁵⁶, хотя он и отрицал эти обвинения на том основании, что был женат¹⁵⁷. Щербина утверждал, что брал деньги расстрелянных только с одной целью и только с санкции Абрамовича: чтобы купить еду на завтрак для рас-

¹⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 97, 308 зв.

¹⁴⁸ Там само, арк. 332.

¹⁴⁹ Там само, арк. 137–138, 155–156, 332.

¹⁵⁰ Там само, т. 1, арк. 129–131; т. 4, арк. 41–43.

¹⁵¹ Там само, т. 5, арк. 292.

¹⁵² Там само, т. 6, арк. 156.

¹⁵³ Там само, арк. 172–176.

¹⁵⁴ Там само, арк. 97, 308 зв.

¹⁵⁵ Там само, т. 4, арк. 12–22.

¹⁵⁶ Там само, т. 6, арк. 132–133, 325.

¹⁵⁷ Там само, арк. 338–339.

стрельной команды. Щербина утверждал, что его оклеветали, и на обоих процессах настаивал на своей невинности¹⁵⁸.

Уманские преступники оправдывали свои действия, главным образом, тем, что получали приказы «сверху», имея в виду в большинстве случаев областное руководство УНКВД в Киеве. Борисов и Томин также ссылались на последствия неподчинения приказам из области, хотя не ясно, значило ли это, что они действительно боялись, или просто, осознавая «откуда ветры дули» в 1937 г., знали, что именно следует говорить в данной политической ситуации. Областное УНКВД, в их видении, было главным виновником преступлений в Умани, однако этот факт Военный трибунал предпочёл проигнорировать. Действительные мотивы преступников вряд ли когда-либо смогут быть установлены со всей определённойностью. Однако, более чем вероятно, что некоторые или все уманские обвиняемые верили в то, что делали; безоговорочно, за исключением Борисова, выполняя приказы. Одобрение и публичные в своей среде похвалы «художествам», которые Петров творил в «лаборатории», могли способствовать тому, что пытки становились ещё более жестокими. Абрамович, Зудин и Щербина, без всякого сомнения, были корыстными людьми. Они ждали от расстрелов добычи, как справедливую компенсацию за то, что считали тяжёлой работой. Ожидание вознаграждения было частью (а)моральной экономики расстрелов. Алкоголь, возможно, облегчал совершение противоправных действий, но свидетельства на этот счёт слишком скудны, чтобы можно было делать определённые выводы. Завершая исследование, будет справедливо сказать, что сотрудники Уманского райотдела НКВД работали в атмосфере безнравственности, высокомерия и неограниченности власти.

Заключение

Обвиняемые по «Уманскому делу» ни в коей мере не были особенными людьми. Все они происходили из простых семей и слыли «хорошими семьянинами». Связав свою судьбу с револю-

¹⁵⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 156, арк. 350.

цией, большинство из них воевали в гражданскую войну в Красной армии, а потом поступили на работу в органы госбезопасности. То, что их биографии не были особенными, однако, не значит, что они были «обычными людьми», в том смысле в каком этот термин – «ordinary men» употребляет Кристофер Браунинг (Christopher Browning) в отношении членов нацистской айнзацгруппы (Einsatzgruppen)¹⁵⁹. Долгие годы, проведённые этими людьми в замкнутой обособленной атмосфере НКВД с её культурой насилия, цинизма и коррупции, не позволяет принять трактовку Браунинга. Более того, маловероятно, что жертвы репрессий классифицировали бы этих преступников как «обычных людей».

Уманские подсудимые были порождением революции, гражданской войны и, особенно, ЧК. Они работали в чрезвычайных обстоятельствах, но, тем не менее, многое из того, что они вершили в 1937 и 1938 гг., стало для них нормальной рутинной. Практика террора стала их работой, и в коридорах НКВД каждый из них открыто обсуждал то, что, как документы будут убеждать нас, было «строго секретно». Насилие было их общей системой координат, а массовые репрессии конкретным полем деятельности¹⁶⁰. Хотя террор был санкционирован «свыше» и его оперативная структура была определена областным начальством, сотрудники Уманского райотдела НКВД не были

¹⁵⁹ «Einsatzgruppen» (айнзацгруппа) – нацистские подразделения служащих полиции безопасности СД, полиции порядка и войск СС. Осуществили массовые убийства евреев в Польше, Украине и РСФСР в годы Второй мировой войны. Называя этих карателей «обычными людьми», Браунинг подчёркивает, что в них не было ничего особенного, ничего, что ранее позволило бы идентифицировать их как убийц. В гражданской жизни они были обыкновенными людьми. См.: *Browning Ch.R. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland.* – New York: Harper Perennial, 1992.

¹⁶⁰ См. интересную работу: Neitzel Sonke and Welzer Harald. *Soldaten: On Fighting, Killing, and Dying. The Secret World War II Transcripts of German POWs.* – Toronto: McClelland and Stewart, 2011. – P. 8–10. С целью «понять предпосылки, при которых психически нормальные люди делают то, что в противном случае они никогда бы не сделали», авторы книги обсуждают как немецкие солдаты говорили о совершении преступлений как об обыденном событии, норме поведения.

только хорошими рядовыми исполнителями. В (а)моральной экономике расстрелов, в сочетании с «лабораторией» пыток, ложь, эвфемизмы и разнарядки на убийство вершили судьбы людей. Вдобавок ко всему, перегруженность работой, постоянная текучесть кадров и разношёрстный состав мобилизованных сотрудников, включавший водителей, тюремных надзирателей и милиционеров, создавали нестабильную ситуацию, чреватую насилием.

Насилие перекинулось в город вместе с ночными дебошами сотрудников НКВД в местной гостинице и появлением имущества расстрелянных на местном базаре или на плечах палачей. Ян Томаш Гросс и Ирена Грудзинска Гросс (Jan Tomasz Gross and Irena Grudzinska Gross) в книге «Золотой Урожай», «рискуя сказать очевидное», относительно Холокоста в Польше, утверждают, что

«конкретные люди были убиты в этой рукотворной трагедии, и конкретные люди исполняли расстрельные приговоры [...] исполнители не были простыми винтиками в машине, которая функционировала в соответствии с predetermined правилами»¹⁶¹.

И в Умані исполнители преступных приказов не были «простыми винтиками». Они работали в рамках более обширной культуры насилия НКВД, сформированной войной, революцией и террором, которая не только облегчила и сделала возможным нарушения закона, но и санкционировала, по крайней мере на время, масштабный спектр преступных действий, исполнителями которых стал столь же широкий круг конкретных людей.

Перевод Е. А. Осокиной

Віола Л. Справа Уманського районного відділу НКВС

Досліджуються злочини співробітників районного відділу НКВС у м. Умані в період «Великого терору», також засудження деяких із них на закритих судових процесах. Вказується, що дії чекістів були породженням більшовицької практики насилля. Їх діяльність у 1937–1938 рр. стала для них рутинною роботою.

¹⁶¹ Gross Jan Tomasz with Grudzinska Gross Irena. Golden Harvest. – New York: Oxford University Press, 2012. – P. 65, 67.

Ключові слова: Умань, НКВД, «Великий терор», співробітники держбезпеки.

Viola L. The Case of Uman' Regional NKVD Office

The crimes of the executives of the Uman' NKVD office during the Great Terror were examined, as well as closed processes on some of them. It is pointed out, that chekists' actions were the result of Bolshevik's practice of violence. Their deeds during 1937–1938 became for them routine.

Key words: Uman', НКВД, The Great Terror, state security executives.

УДК 351.746.1-051(479.22)(092):343.1]«1957»(045)

*Тимоти БЛАУВЕЛЬТ**

**«Какова была музыка, таков был и танец»:
дело Серго Давлианидзе**

Предпринимается попытка «населить макроисторическое пространство», исследуя деятельность сотрудника НКВД Грузии Серго Давлианидзе в период «Большого террора» и материалы судебного процесса 1957 г. По мнению автора, появилась возможность достичь «баланса между макро- и микро- историей», а также понимания того, как люди, работавшие в институтах сталинского общества, оказались способны совершать акты насилия в значительных масштабах против невинных людей.

Ключевые слова: Серго Давлианидзе, «Большой террор», политические репрессии, НКВД.

В недавних исследованиях по советской истории звучат призывы творчески применять выводы, содержащиеся в обширной литературе о преступлениях нацизма в Германии, для изучения схожих массовых преступлений сталинизма в СССР, обращая особое внимание на то, как «обычные люди» становились карателями, а также, каким образом следователи карательных орга-

* *Блаувельт Тимоти К. (Timothy K. Blauvelt)* – ад'юнкт-професор радянських і пострадянських досліджень Державного університету Іллі (Тбілісі, Грузія).